

RU

Исторические предпосылки этноязыковой картины юга России (Адыгея, Дагестан, Калмыкия, Волгоградская область)

Супрун В. И., Багомедов М. Р., Беданоклова З. К.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности и своеобразие этноязыковой картины юга России и обосновать происхождение и состав региональных топонимиконов, поскольку топонимы являются важнейшим кодом / источником информации в историческом ландшафте. Они зафиксированы в документах, лексикографических источниках, атласах, а также в нарративных источниках, связанных с южными территориями России. В статье описана история появления славянских, тюркских, адыгских, дагестанских, иранских и др. народов на рассматриваемой территории, процессы этнических миграций и современное состояние народонаселения южных регионов России. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые дан комплексный обзор, основанный на хронологических фактах пребывания исторически сложившихся этносов в южных регионах России как источников топонимической картины, которая представлена в целом названиями населенных пунктов, рек и горных объектов. В результате обоснованы исторические предпосылки возникновения апеллятивно-онимических комплексов в таких регионах Российской Федерации, как Республика Адыгея, Волгоградская область, Республика Дагестан, Республика Калмыкия.

EN

Historical preconditions for the ethnolinguistic picture of Southern Russia (Adygea, Dagestan, Kalmykia, Volgograd Oblast)

V. I. Suprun, M. R. Bagomedov, Z. K. Bedanokova

Abstract. The study aims to identify the features and uniqueness of the ethnolinguistic picture of Southern Russia and to substantiate the origin and composition of regional toponymics, as toponyms are a key code / source of information in the historical landscape. They are recorded in documents, lexicographic sources, atlases, as well as in narrative sources related to the southern territories of Russia. The article describes the history of the appearance of Slavic, Turkic, Adyge, Dagestani, Iranian, and other peoples in the territory under consideration, the processes of ethnic migrations, and the current state of the population of the southern regions of Russia. The scientific novelty of the study lies in the fact that it provides, for the first time, a comprehensive overview based on chronological facts of the presence of historically formed ethnic groups in the southern regions of Russia as sources of the toponymic picture. This picture is generally represented by the names of settlements, rivers, and mountains. As a result, the historical preconditions for the emergence of appellative-onymic complexes in such regions of the Russian Federation as the Republic of Adygea, Volgograd Oblast, the Republic of Dagestan, and the Republic of Kalmykia are substantiated.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена междисциплинарностью, основанной на историографическом и лингвокультурологическом подходах в выявлении исторических предпосылок современной этноязыковой картины южных регионов России. Историческая наука является основой для понимания геополитических процессов или тенденций в миграции и развитии этносов, локализованных на общих территориях, что отразилось в разнообразных этимологических характеристиках топонимов. Данная особенность позволяет выявить два типа топонимов по происхождению, принадлежащих коренному или автохтонному народу и привнесённых пришлыми народами. Топонимика, являясь своеобразным «языком земли», дает возможность понять историю, культуру и психологию того или иного народа. Большой интерес представляют топонимы как репрезентанты ментального опыта, отразившегося в лингвосознании носителя языка, что формирует этноязыковую специфику современного топонимикона.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- отобрать и систематизировать исторические факты, свидетельствующие о проживании и миграции на южных окраинах России и территории Северного Кавказа того или иного этноса;
- определить основания для возникновения этноязыковой конвергенции в топонимической картине как формы существования и взаимодействия многоязычной и разновекторной общности народов, населявших эти территории на протяжении нескольких веков и населяющих сегодня.

Методы исследования обусловлены поставленными задачами и предполагают использование преимущественно общенаучных методов. Так, обращение к большому массиву исторического материала методом корпусного анализа позволило выявить и хронологически обосновать основные исторические факты о пребывании народов и народностей на тех или иных территориях. Рассмотрение фактов, имеющих разные и зачастую противоречивые трактовки, при помощи сравнительно-исторического метода объективизирует информацию. Последующее обобщение представленного материала предполагает достижение поставленной цели в некотором приближении, а также взаимообусловленность с дальнейшим описанием и систематизацией исследований топонимического пространства южного региона России.

Материалом для исследования послужили словарные, архивные материалы, нарративные источники различных исторических периодов времени. К основным архивным источникам следует отнести:

- Полное собрание русских летописей, изданное по величайшему повелению Археографической комиссией (ПСРЛ). СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. Т. 1. I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи;
- ПСРЛ. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. Т. 7. VII. Летопись по Воскресенскому списку.

Нарративные источники, содержащие сведения по этническим группам и топонимике:

- Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 1999;
- Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.): из сочинения «Книга познания мира». Баку: Элм, 1980;

• Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами: достопримечательное повествование (адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.) / сост., ред. переводов, введ. И вступ. ст. к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974;

• Константин Багрянородный. Об управлении империей / пер. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989;

• Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. (источники и литература). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Словарные материалы и справочники – важнейшие источники по этимологии топонимических единиц:

• Гомулов В. И., Супрун В. И. Второй Донской округ: историко-географический справочник (XVIII – первая треть XX в.). Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007;

• Емыкова Н. Х. Историческая топонимия Западной Черкесии: по материалам русских источников 18-19 вв. Майкоп: Полиграф-Юг, 2021;

• Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б., Супрун В. И. Топонимический словарь Республики Калмыкия. Элиста: Джангар, 2017;

• Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / сост. В. Ф. Дидендорф. М.: ЭРН, 2006;

• Трубочёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье: реконструкция реликтов языка: этимологический словарь. М.: Наука, 1999.

Теоретической базой предпринятого исследования являются научные материалы об исторических процессах в этносах, локализованных в различные временные периоды на данной территории. Основные сведения по истории миграционных процессов славянских народов на Северном Кавказе, донских степях и нижнего Приволжья в работах В. В. Григорьева (1835), А. С. Королёва (2011); исторические факты о тюркских народах в исследованиях С. А. Плетнёвой (1986), Е. П. Мыськова (2003), А. А. Казихановой (Гусейновой) (2000); историография калмыков в научных работах Е. В. Дорджиевой (2002), У. Э. Эрдниева (1985); материалы по истории адыгских и дагестанских народов в монографических исследованиях С. Х. Хотко (2001; 2015), А. А. Мамедовой (2007), Ф. А. Бадалова (1998) – всё это сделало возможным создание общей этноязыковой картины юга России.

Практическая значимость работы определяется перспективностью применения результатов исследования в учебной и научной работе исторических и филологических направлений подготовки при создании спецкурсов, элективных курсов по региональной ономастике, а также при создании учебников, учебных пособий.

Обсуждение и результаты

Любой народ, поселяясь на определённой территории и начиная осваивать окружающее пространство, в обязательном порядке топонимизирует его, даёт названия расположенным рядом географическим объектам. Как правило, крупные реки, высокие горы, другие заметные места рельефа и ландшафта получают свои наименования в древности. Новопоселенцы заимствуют их, приспособив к особенностям своего языка, иногда видоизменяя до неузнаваемости. Если топоним имеет прозрачную этимологию, его могут калькировать, и тогда он становится фактом нового языка, что не всегда позволяет с точностью установить исходную историю названия.

Следует заметить, что в лингвосознании носителя языка обязательно происходит разворачивание семантики топонима в рамках ментального опыта, репрезентация которого происходит при создании умственного образа того или иного конкретного события, факта жизненного опыта. Слово, являясь первой единицей всплывающего в индивидуальном и/или коллективном сознании семантического шлейфа топонима, выражает прямое денотативное отношение (*город, село, хутор, станция, аул, река, гора, урочище* и пр.) и образует лексический код переработки информации, в котором иконический и акустический виды информации преобразуются в ментальные единицы. Номинативные единицы, функционирующие в составе апеллятивно-онимических комплексов, таких как *Российская Федерация, Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Волгоградская область* и т. п., являются показателем отношения онима к ядру или периферии онимического поля (Супрун, 2012, с. 146-147). В ментальных образах топонимов идея обозначения географического объекта выражается посредством отношения к апеллативу, к которому прикреплялся оним, индивидуализирующий мысль о географическом объекте, его окружении и связи с местными реалиями (Супрун, 2016, с. 453-460).

Юг России имеет сложную этноязыковую историю. Уже в позднем бронзовом веке (XV-XIII вв. до н. э.) здесь жили огнепоклонники, соорудившие Трёхостровское святилище (Скрипкин, Дьяченко, 2008, с. 125-129). Возможно, к этому времени можно отнести сохранившийся в «Географии» александрийского учёного Клавдия Птолемея гидроним Ра, находящий убедительную этимологию в лексике санскрита (Крюкова, Супрун, 2009, с. 266). С VIII в. до н. э. на обширной территории от Волги до Дуная проживали ираноязычные народы – скифы, сарматы (с IV века до н. э.) и савроматы, жившие «за рекой Танаисом» (Геродот). К их языкам восходят многие гидронимы с основой *дон-/дн-: Дон, Днепр, Днестр, Дунай*.

Во время Великого переселения народов с IV в. н. э. через степи к северу от Каспийского и Чёрного морей прошла лавина тюрко- и монгольских народов, возглавляемых гуннами. Вслед за ними в VI в. из Центральной Азии двинулись в Европу авары, также состоящие из монгольских и тюркских племён. В 650 г. в Прикаспии возникает Хазарский каганат, который постепенно распространил свою власть до Днепра, но в 968/969 году был уничтожен русами, действующими в союзе с тюрками-огузами (Плетнёва, 1986).

В VIII веке у хазарского кагана появились новые союзники – венгры, которые основали на Дону страну Лебедию, или Лебедию (греч. Λεβεδία), придя сюда со своей прародины Magna Hungaria на Урале. В их состав вливались некоторые тюркские племена: в первой половине IX в. к ним присоединилось хазарское племя каваров, попытавшееся выступить против кагана, но потерпевшее неудачу. Они стали «восьмым угрским племенем» (Бларамберг, 1999, с. 195). Но венгры недолго задержались в этих местах, уже в начале IX в. они перебираются западнее, а в конце века проходят мимо Киева и, преодолев Карпаты, завоёвывают Паннонию. Каких-либо венгерских следов в топонимии Юга России не сохранилось.

В 1206 г. Тэмуджин на всеобщем курултае монгольской знати был объявлен правителем всех монголов и назван Чингисханом. Он возглавил походы на юг и запад, подчинив Монгольской империи значительную часть Средней Азии и Китая. Его преемники продолжили захватническую политику, территория империи в её лучшие времена простиралась от Японского моря до Новгорода и от центральной Сибири до Индийского океана и Тибета. Во второй половине XIII в. начался распад империи, на её месте появился ряд самостоятельных государств. В 1269 г. хан Менгу-Тимур, праправнук Чингисхана, создал независимое от Монгольской империи государство Улуг Улус (Великая Страна, Великое Государство), которое именовалось также Улус Джучи по имени основателя династии старшего сына Чингисхана (Мыськов, 2003). Уже после исчезновения этого государства в русских исторических документах появляется название *Златая Орда* (1566 г.) (Казанская история, 1954), которое впоследствии в русифицированном варианте *Золотая Орда* стало общепринятым. Возможно, на возникновение эпитета повлияло татарское именование украшенной золотом передвижной ставки хана *алтын урда* 'золотой шатёр'.

К середине XV в. Улуг Улус повторил судьбу Монгольской империи: распался на несколько самостоятельных ханств, которые до начала XVI века формально считались в подчинении падишаха Большой Орды, а затем стали полностью независимыми. Официальным языком Золотой Орды XIII-XIV вв. (до 1380 г.) был монгольский, записанный буквами уйгурского алфавита (Григорьев, 1981, с. 81-89), но местное население говорило на тюркских диалектах, поэтому на обширном пространстве золотоордынских владений сохранилось немало топонимов тюркского происхождения.

Восточные славяне появлялись в низовьях Волги и Дона, в причерноморской степи и на Северном Кавказе в результате военных походов, по торговым делам, с дипломатическими миссиями и т. п. уже в VIII-IX вв. В IX в. в хазарской столице Атиле действовал суд, состоящий из семи судей: по двое для иудеев, магометан и греков-христиан и седьмой для язычников-русов. Известный арабский путешественник и географ аль-Масуди упоминает о походе русов на Волгу и Каспий в 913 г., в котором, по его словам, участвовало 50 тысяч воинов: «...около 500 русских судов, на коих на каждом было по сту человек» (Григорьев, 1835, с. 235). Возможно, этот «арабский Геродот» (Микульский, 1998) преувеличил количество гребцов на судне (из других источников известно, что оно было меньшим), однако в целом это сообщение свидетельствует о существенном присутствии варягов и восточных славян на Волге и Прикаспии. Известен также поход киевского князя Святослава против хазар в 965-968 гг., завершившийся разгромом каганата и присоединением к Руси городов Бела Вежа (Саркел) и Тмутаракань (Таматарха, Тумен-Тархан). В войске князя были славяне, варяги, печенеги и гузы (Королёв, 2011, с. 168-174).

Во времена Золотой Орды в ордынских городах находились в больших количествах русские люди: пленники, ремесленники, разведчики, купцы, князья и др. Благоверный великий князь Александр Невский посещал Орду несколько раз, а в 1262-1263 гг. он зимовал «в Татарех». Погибает в Орде тверской князь Михаил Ярославич, были здесь замучены Роман Олегович Рязанский, Фёдор Стародубский. Ярлыки на княженье

получали в Сарае Василий Всеволодович Ярославский, Святослав-Гавриил Юрьевский и многие другие. Фёдор Ростиславович Чёрный-Смоленский прожил в Сарае три года, здесь родились его сыновья Давид и Константин (Иванов, Супрун, 2002).

Во второй половине XIII в. число православных христиан в Золотой Орде стало довольно большим, и в 1261 г. на этой территории была создана Сарайская православная епархия. Не вызывает сомнения, что князь Александр Невский имел непосредственное отношение к её открытию. Митрополит Кирилл II активно поддерживал его политику в отношении Орды. Под 1261 г. в Лаврентьевской летописи (л. 167 об.) записывается: «Того же лета постави митрополит епископа Митрофана Сараю» (ПСРЛ, 1846, т. 1, с. 204). Владыка Митрофан, в свою очередь, ставил священников в ордынские города, где проживали православные, защищал их перед лицом хана и проповедовал Слово Божие среди язычников. С этих пор епархия стала не только духовным оплотом христиан, живших в Золотой Орде, но и дипломатической миссией, способствовавшей выстраиванию отношений между Сараем, Москвой и Константинополем.

Русские люди жили не только в золотоордынской столице, но и в других городах. Известно, например, что в Бельджамене был русский посёлок (Мыськов, 2001а; 2001b). В. Л. Егоров и М. Д. Полубояринова обнаружили во время раскопок, что в самом начале существования города русский квартал занимал всю прибрежную часть городища, вытянувшись вдоль Волги. В раскопках на кладбище найдены черепа славянского типа, большое количество русской керамики (Егоров, Полубояринова, 1974). Город имел русское название Бездеж, о нём упоминают русские летописи XIV в.: в 1319 г. тело князя Михаила Тверского, убитого по приказанию Узбек-хана, привезли в Бездеж: «и оттолѣ везоша его къ Бездѣжу». В 1346 г. летопись сообщает о чуме: «казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточною страну на городъ Орначь, и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездежь» (ПСРЛ, 1856, т. 7, с. 197, 210).

Этимологический анализ топонима позволяет утверждать, что слово Бездеж образовано с помощью притяжательного суффикса *-ъ от древнего славянского имени Бездед (*dj > ж). Эта этимология подтверждается наличием буквы Ъ в летописной фиксации топонима, как и в слове дѣдь, а также церковнославянской формой йотации (*dj > жд) Бездеждь в Карамзинском списке Воскресенской летописи (ПСРЛ, 1856, т. 7, с. 197, 210). Антропоним Бездѣдь, вероятно, давался ребёнку, родившемуся в семье после кончины основателя рода, или безродному подкидышу, сироте. Местечко Бездеж было в Гродненской губернии (ныне агрогородок в Дрогичинском районе Брестской области). В Чехии имеется готический замок Бездез (Bezděz) с названием того же происхождения (в чешском языке сочетание *dj > z). От антропонима с другими суффиксами образованы топонимы Бездедовичи (Витебская область), Бездедово (Московская область), что говорит о популярности этого имени у славян.

С XIV в. по укромным местам на Дону и его притокам появляются временные стоянки вольных русских людей. Постепенно они создают свои землянки, зимовья на прежних местах, к XVI в. появляются постоянные городки донских казаков. Предположительно в 1535-1542 гг. возникает Голубинский городок, вслед за ним Паншин, Качалин, Пять Изб (Гомулов, Супрун, 2007, с. 24). Казачество становится важным субэтносом в составе русского народа.

После взятия Астрахани в 1556 г. Волга на всём своём протяжении становится русской рекой. Для охраны судоходства на ней создаются постоянные и передвижные караулы, а затем строятся города-крепости. В 1589 г. воевода Григорий Засекин основывает Царицын, позже выше и ниже по течению появляются другие крепости. Растёт число городков, позже станиц донских казаков. Русский этнический компонент становится основным в Нижнем Поволжье и Подонье (Супрун, 1997).

До XIV в. восточные славяне были единым этносом, да и позже длительное время они не разделялись во время походов и совместной деятельности. Например, донские и запорожские казаки свободно перемещались из одного войска в другое. В 1630 г. после разгрома восстания Тараса Трясило на Дон перебралось немало запорожцев. Руководитель бунта донских казаков Кондратий Булавин в 1707 г. зимовал в Запорожской Сечи (Подъяпольская, 1962). В Азовском сидении в 1637-1642 гг. в числе 5800 защитников была тысяча запорожцев (Никитин, 2015).

Большой приток украинцев в Поволжье связан с разработкой соли на озере Эльтон, а позже – на Баскунчаке. С 1747 г. украинские чумаки, имевшие опыт перевозки соли из Крыма, основали целый ряд слобод на притоках Дона и Волги и в Заволжье. В начале XIX в. страдающие от малоземелья жители Малороссии получили разрешение поселяться на «пустопорожних землях» Поволжья и Подонья, в Калмыцкой степи. В дальнейшем было ещё несколько волн переселения украинцев в южные регионы России, но параллельно проходили процессы интенсивной ассимиляции украинцев, которые привели к тому, что при переписях они указывали себя русскими, сохраняя в разной степени свой диалект и культуру (Супрун, 1998).

На Кубани сложилась специфическая этническая и лингвокультурная ситуация. После присоединения этой территории к России здесь была устроена Азовско-Моздокская линия, куда летом 1777 г. были переселены казаки с Хопра и Медведицы, вошедшие в Хопёрский полк. Через 3 года из потомков донских и волжских казаков был создан Кубанский полк. Они говорили на донском диалекте русского языка и сохраняли во многом традиционную культуру донских казаков. В 1775 году была ликвидирована Запорожская Сечь. После победы России в Русско-турецкой войне 1787-1792 гг. на побережье Чёрного моря между реками Днестр и Буг из запорожцев было создано Черноморское казачье войско. Их представитель Антон Андреевич Головатый выхлопотал разрешение на переселение черноморцев на Кубань. К 1793 году около 25 тысяч человек перебрались на новое местожительство. Они сохранили украинский диалект, культуру запорожских казаков, но сменили вышиванки и шаровары на черкески. Так в составе кубанских казаков оказались два диалекта и две разные исходные культуры: русская донская (около трети кубанцев) и украинская запорожская (более

двух третей). При этом обе части относили себя к русскому народу, при переписях называли себя русскими (в последнее время также казаками) (Матвеев, Фролов, 2007). Потомки кубанских казаков живут в Адыгее и в других регионах Северного Кавказа, в Поволжье и Калмыкии.

В конце XVI – начале XVII века на южных границах Русского государства появились калмыки, которые в поисках новых пастбищ для скота и из-за внутренних раздоров между знатью покинули Джунгарию. 14 февраля 1608 г. представители калмыцких правителей были приняты в Москве царём Василием Шуйским. Постепенно калмыки пересекли реку Яик (Урал) и к 1635 г., вытеснив ногаев с левого берега Волги, стали кочевать по обширной территории от Астрахани до Самары. В 1644 г. они перешли на правый берег Волги и дошли до Дона. В 1662 г. царь Алексей Михайлович разрешил им кочевать по обоим берегам Дона (Беспрозванных, 2003). В начале 1771 г. более двух третей калмыков (в основном торгутов и хошутов) во главе с молодым ханом Убаши отправились в Джунгарию. В «Пыльном походе» погибло больше половины участников (Дорджиева, 2002). Оставшиеся калмыки кочевали в Подонье, их территория получила название Калмыцкая степь. Калмыцкий народ был разделён на семь улусов, каждый из них состоял из нескольких аймаков (родов), которые включали в свой состав хотоны из примерно 15 кибиток (Кичикова, Манджиева, Супрун, 2017, с. 11). 1 июля 1917 г. была создана Степная область калмыцкого народа. В ноябре 1920 г. советская власть создала Автономную область калмыцкого народа, которая 20 октября 1935 г. была преобразована в Калмыцкую АССР (Эрдниев, 1985). 27 декабря 1943 г. она была ликвидирована, в 1957 г. восстановлена как автономная область, а 25 декабря 1958 г. – как АССР, в 1990-е гг. получила название Республика Калмыкия. Длительное пребывание калмыков в Поволжье и Подонье отразилось в местной топонимии.

Во второй половине XVIII в. на юге России появились в значительном количестве немцы, которые приехали в страну на основании манифестов Екатерины II от 4/15 декабря 1762 г. и 22 июля / 2 августа 1763 г. Им выдавалась беспроцентная ссуда на десять лет на строительство домов, закупку продовольствия до первого урожая, скота, сельскохозяйственного инвентаря и инструментов для ремесленников. С 1763 по 1766 г. прибыло более 30 000 человек, большинство из Баварии, Бадена, Гессена, Пфальца и Рейнланда, среди переселенцев были также представители других европейских народов, но все они говорили по-немецки. Их поселения назывались колониями, русские переделали это слово в колонки. Первой было основана Нижняя Добринка севернее Камышина, немцы её называли Монингер. Правительственным указом от 26 февраля 1768 года за немецкими поселениями были официально закреплены в основном русские названия (исключений было несколько). Всего было основано 105 колоний, которые позже стали именоваться материнскими в отличие от дочерних, возникших в более позднее время в результате расселения из первоначальных поселений (Супрун, 2017, с. 94-95, 179). За использованием топонимов строго не следили, поэтому вскоре в официальное употребление вошли немецкие названия. Во время Первой мировой войны русские названия были возвращены, но после Октябрьской революции и создания немецкой автономии в Поволжье снова стали использоваться немецкие топонимы. 28 августа 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Территория АССР Немцев Поволжья была разделена между Саратовской и Волгоградской областями, немецкие топонимы снова были заменены русскими (Немецкие населенные пункты..., 2002; Немцы России..., 2006).

10 немецких поселений располагались на территории Калмыцкой степи. В 1870 г. была заселена колония Кроненталь, которая по речке Хагин-Сала чаще называлась Немецко-Хагинское, или Дейч-Хагинск (Deutsch-Chaginsk). 7 ноября 1941 года немцы из всех местных поселений были депортированы в Северо-Казахстанскую область (Оконова, 2013). Ныне 78% жителей села Ульяновского (Немецко-Хагинское переименовано в августе 1949 г.) составляют турки-месхетинцы (Кичикова, Манджиева, Супрун, 2017, с. 189).

Если названные выше народы стали коренными жителями территорий юга России в обозримой истории, то прошлое адыгов и народов Дагестана уходит в седую древность. К IV тыс. до н. э. относят так называемую Майкопскую культуру, которую одни учёные связывают с протоиндоевропейцами (М. Гимбутас, Т. Гамкрелидзе, В. В. Иванов), другие видят в ней предков адыгов. Такие же разногласия в научном мире существуют по поводу меотских племён, живших в I тыс. до н. э. на восточном побережье Чёрного моря. О. Н. Трубачёв (1999) и А. К. Шапошников (1996) полагают, что меоты говорили на реликтовом языке индоарийской группы.

Другие исследователи видят в них предков адыгов. Думается, что правы обе стороны. Часть меотов говорила на протоадыгском языке (зихи, керкеты и пр.), другие же (дандарии, синды и пр.) были предками ираноязычных народов.

Исторические факты в виде архивных материалов, а также большое количество нарратива свидетельствуют об отчетливом присутствии адыгов-черкесов на Северном Кавказе. Российский историк С. Х. Хотко, автор «Истории Черкесии в Средние века и Новое время» (2001), основываясь на значительном количестве источников (более 2500 единиц), описал три периода существования адыгского этноса на территории Северо-Западного Кавказа «по внешним цивилизационным воздействиям и векам» (Хотко, 2020). Первый период связан с синдо-меотской эпохой VI в. до н. э. – V в. н. э., совпадающей с античными временами, когда процветало Боспорское царство (начало V в. до н. э. – 370 г. н. э.) и отличалось сосуществованием эллинских поселенцев с этническими группами синдо-меотов. Описание этого исторического периода обнаруживается в большом количестве античных источников, из которых наиболее изучены работы таких авторов, как Гиппонакт Эфесский, Скилак Кориандский (IV в. до н. э.), Диодор Сицилийский, Скимн Хиосский, Николай Дамаскин (I в. до н. э.), Страбон (I в. до н. э. – начало I в. н. э.), Птолемей, Дионисий Периегет, Лукиан Самосатский (II в. н. э.), Руфий Феста Ариан (IV в.), Псевдо-Ариан (V в.), Присциан (начало VI в.), Стефан Византийский (VI в.). В античных трактатах есть описание этноса, государства Синдика и одноименного города,

расположенных в Причерноморье, но нет указаний на военно-политические действия, что свидетельствует в целом о торговом взаимодействии и мирном сосуществовании.

Второй период – это широко известный в исторической литературе Зихский период (500-1500 гг.), длившийся тысячелетие и характеризовавшийся перманентным доминированием в северокавказской степи разных кочевых этносов: гуннов, аваров, булгар, хазар, венгров, печенегов, кипчаков. И только в «последние 250 лет зихского (черкесского) средневековья – эпоха сначала Золотой Орды, затем татарской “замятни” и целой серии постзолотоордынских ханств. Именно в эти 250 лет (с 1240-х по 1490-е гг.) происходит почти неуклонный и почти независимый от силы Орды территориальный рост Зихии (Черкесии) в северном и восточном направлениях» (Хотко, 2020). Император Византии Константин VII Багрянородный (Κωνσταντῖνος Ζ΄ ὁ Πορφυρογέννητος) в своём труде «Об управлении империей» в 4-й главе упоминает о Зихии, а в 42-й главе подробно рассказывает об этой стране, а также о Касахии, Папагии, которые также считаются территориями адыгов. Упоминаются острова в море, «используемые зихами под пастибища и застроенные ими», а на другом островке «во время набегов аланов зихи находят убежище» (Константин Багрянородный, 1989, с. 176-177). Тождество этнонимов зихи и адыги подтверждает генуэзский путешественник Джорджио Интериано, посетивший Приазовье и Северный Кавказ во второй половине XV в., он сообщает: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (итальянском. – В. С., М. Б., З. Б.), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – “адига» (1974, с. 46). Адыгские топонимы представлены на всей территории Северного Кавказа, но в ордынскую эпоху идет заметный по нарративным источникам и археологически ныне наглядный процесс освоения черкесами берегов Дона и Днепра, что получило в исследованиях М. В. Федоровой (1998) подтверждения по топонимии Белгородской области: Старокожев – адыг. *кѳуажэ* «селение»; с. Малахово, с. Мелихово, с. Малакеево сопоставимы с адыг. *мэлыхѳуэ* «пастух», где *мэлы* «овца», *хѳуэ* «пасти», такая же сопоставимость с адыгскими реалиями обнаруживается в ойконимах Щелоково, Хотмыжск, Чаусовка, Гвоздевка, Шеино, Кукаречин и в ряде других топонимов. Очевиден адыго-черкесский след в топонимике и предкавказских регионах (г. Новочеркасск, ст. Старочеркасская (Ростовская область), г. Черкассы (Украина)).

«Период с начала XVI в. по 1864 г. является», по мнению С. Х. Хотко (2020), «цельным этапом периодизации в истории Черкесии по ряду критериев: религиозная жизнь, внешнеполитическое, этнонимическое развитие, развитие военной техники». Это отражено в большом количестве архивных военных источников, в которых картографирование и служебные записки о территориях и ландшафте дают обширную информацию об этнонимии региона (гидронимы, оронимы, ойконимы). Следует уточнить, что названия аулов и селений этого периода чаще всего патронимического характера, по имени владетельного князя или дворянина (Емыкова, 2021; Хотко, 2015, с. 114-192).

Следующий, не менее важный, исторический этап связан с периодом Русско-Кавказской войны (1763-1864 гг.) и активно последовавшей затем славянской/казахской колонизации Северо-Западного Кавказа и в конце XIX столетия. Топонимическое пространство Северо-Западного Кавказа наполнилось большим количеством ойконимов славянского происхождения (большинство казахских станиц и хуторов), а также появились селения с названиями, соотносимыми с другими этническими группами переселенцев: чехами, армянами, греками, эстонцами, турками-месхетинцами и другими народностями.

Восточную часть Северного Кавказа с древних времён занимали многочисленные племена, которые считаются предками народов Дагестана. В конце II – середине I века до н. э. здесь возникло государство, именуемое в научных трудах Кавказской Албанией, в которое входило 26 племён, видимо, разной этноязыковой принадлежности. Гелов и легов считают предками ряда современных дагестанских народов: аварцев, даргинцев, лакцев и лезгин. А. А. Мамедова (2007) считает, что потомками лпинов (лбинов, лупенцев) являются аварцы. Ф. А. Бадалов (1998) отождествляет албанское племя шичбов с рутульцами. У древних гаргаров был собственный агванский (албанский) алфавит (Тревер, 1959, с. 49), расшифровка записанных с его помощью текстов позволила определить близость их языка к удинскому (Климов, 1967). В 1404 г. архиепископ Султанийи и всего Востока Иоанн III впервые упоминает этноним *авары* в Нагорном Дагестане (Галонифонтибус, 1980).

В первой половине XIII в. появляется топоним Лезгистан, свидетельствующий о закреплении на этой территории лезгин и других родственных им народов. До XX в. этнонимом *лезгины* обозначали часто все нетюркские горские народности Дагестана, а собственно лезгин именовали кюринцами по одному из субэтносов (Ихилев, 1967).

Даргинцы сформировались как отдельный народ в I тыс. до н. э. в приморской и предгорной зонах и в горной части современного Дагестана. Они входили в состав Кавказской Албании. Существовали различные этнические группы даргинцев (Магомедов, 1999).

Сложная этноязыковая история имеется у кумыков, 76% которых проживает в Дагестане. Одни учёные определяют их предками кипчаков (С. М. Броневский, Л. И. Лавров, Н. А. Баскаков и др.), вторые считают кумыков потомками хазар (Ю. Клапрот, В. Ф. Минорский, Ф. Нансен и др.), третьи полагают, что они являются местными горскими племенами, подвергшимися тюркизации (В. В. Бартольд, С. Ш. Гаджиева, Г. С. Фёдоров-Гусейнов и др.), четвёртые считают, что кумыки населяли Кумыкскую равнину уже в VIII-X вв. (А. А. Сатыбалов, К. Ф. Смирнов и др.) или даже ранее (С. А. Токарев) и т. д. А. А. Сатыбалов, защитивший в 1946 г. под руководством знаменитого советского тюрколога Н. К. Дмитриева диссертацию о формировании кумыкского языка, отмечал в своей более поздней работе: «...кумыкский язык сочетает особенности двух больших групп тюркских языков (кипчакской и огузской), а этот факт свидетельствует, что кумыки начали формироваться как народность ещё до падения Золотой Орды из числа тюркоязычных кипчакских и огузских племен» (1959, с. 49).

А. А. Казиханова (Гусейнова) (2000) обнаружила в фольклоре кумыков пословицы и поговорки, связанные с временами существования Хазарского каганата. Ю. Клапрот (2008, с. 37) отделял дагестанцев, под которыми понимал нетюркские племена Северного Кавказа, от кумыков.

В 2000 году Госсовет Дагестана определил коренными в республике следующие 14 народов: аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасараны, ногойцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-аккинцы (О коренных малочисленных народах Республики Дагестан: постановление Госсовета Республики Дагестан от 18.10.2000 № 191. <https://docs.cntd.ru/document/473101930>). Как особые этнические группы (субэтноты) в юго-западном Дагестане отмечены 14 народностей, включаемые в состав аварского народа (андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бажтинцы, боглихцы, гинухцы, годоберинцы, гунизбцы, каратинцы, тиндинцы, хваршины, чамалинцы и цезы), и две народности на юге Дагестана в составе даргинцев (кайтагцы и кубачинцы) (Народы Дагестана, 2002).

Заключение

В данной статье рассмотрена степень изученности сложной этнокультурной картины южного региона для дальнейшего обоснования неоднозначной этимологии апеллятивно-топонимических комплексов. В результате проведенного ретроспективного анализа объемного массива исторической литературы пришли к выводу, что процессы этноязыковой конвергенции характерны для всех народов Северного Кавказа, где исконно существовал сложный конгломерат разноразличных и разноразличных племен и народностей, которые вступали в сложные процессы сближения и отчуждения, заимствовали языковые и культурные элементы друг у друга, подвергались дружественному или насильственному воздействию со стороны соседних государств и народов. «Немые» археологические материалы и «громко говорящие», но мало что объясняющие генетические исследования не способны дать реальную картину становления того или иного этноса. Например, в сложном этногенезе кумыкского народа, как и других народов мира, присутствовало много разнообразных и разносторонних факторов, которые на протяжении десятков или даже сотен веков привели к консолидации социальных групп и личностей с одинаковым или близким этноязыковым сознанием и к формированию единого этноса.

В настоящее время юг России является, пожалуй, самой многонациональной территорией нашего государства. Представителей почти всех российских народов можно встретить среди жителей Адыгеи, Дагестана, Калмыкии и Волгоградской области. По данным последней переписи населения, в России насчитывается 194 народа и народности (под народностями понимаются субэтноты, входящие в состав народа, но отличающиеся особенностями культуры, языка и имеющие свой этноним). В Калмыкии проживает 96 этносов и субэтносов, в Адыгее – 116, в Волгоградской области – 125, в Дагестане – 128 (Сатыбалов, 1959). При этом часть народов и народностей зафиксирована только в одном из регионов, поэтому общее количество этнических единиц приближается к общероссийским показателям.

Во всех четырех субъектах проживают русские (90% населения Волгоградской области, 58% в Адыгее, 26% в Калмыкии, 3% в Дагестане). Калмыки сосредоточены в основном в Калмыкии (62,5% населения республики, где проживает почти 90% калмыков России), однако проживают они и в соседних субъектах. Адыгейцы, помимо своей республики (20% населения, 88% всех адыгейцев), живут также в небольшом количестве в Дагестане, Калмыкии и Волгоградской области. Из народностей Дагестана наиболее мобильными являются аварцы и даргинцы, которые не только составляют значительную часть населения республики (30% и 17% соответственно), но и занимают 7-е и 3-е места соответственно среди народов Калмыкии, представлены они также в Волгоградской области и Адыгее. С разной степенью активности расселяются по южным регионам страны другие народы Дагестана: кумыки (16% населения республики, 10-е место в Калмыкии), лезгины (13%), лакцы (5%), табасараны (4%), ногойцы (1,2%), а также рутульцы, цахуры и пр.

Помимо этих коренных народов, в регионах проживают украинцы (3-е место в Волгоградской области, 4-е место в Адыгее), казахи (2-е место в Волгоградской области, 4-е место в Калмыкии), армяне (3-е место в Адыгее, 4-е место в Волгоградской области), татары (5-е место в Волгоградской области, 6-е место в Адыгее, 9-е место в Калмыкии), азербайджанцы (6-е место в Волгоградской области, 7-е место в Дагестане, 9-е место в Адыгее), чеченцы (6-е место в Калмыкии, 8-е место в Волгоградской области), аккинцы (9-е место в Дагестане), черкесы (7-е место в Адыгее), курды (5-е место в Адыгее), турки (5-е место в Калмыкии), цыгане (8-е место в Адыгее, 9-е место в Волгоградской области), немцы (7-е место в Волгоградской области), корейцы (8-е место в Калмыкии), белорусы (10-е место в Волгоградской области), греки (10-е место в Адыгее) (Национальный состав населения Российской Федерации: согласно итогам переписи населения 2020-2021 гг. https://docs.google.com/spreadsheets/d/1ySRD5_gshS1fKoG84fqLjwDeVy3A0vfg). Некоторые из этих народов являются также коренными, поскольку поселились здесь несколько веков назад (татары, украинцы, немцы), другие же прибыли на новые места проживания в XX-XXI веках.

В результате предпринятого анализа исторических предпосылок современной этноязыковой картины, в частности топонимического комплекса, доказано, что практически все коренные народы оставили существенный пласт в топонимии юга России, а другие этносы, позже поселившиеся компактно на данной территории, номинируют окружающие объекты микротопонимами, поскольку топонимизация окружающего пространства является законом этнолингвистического освоения мира человеком. Дисперсно проживающие народы используют сложившийся топонимикон коренных этносов.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики видится изучение топонимических изысканий юга России, направленных на выявление этноязыковой специфики. Предполагается описание степени изученности и разработанности проблем топонимики Волгоградской области, Адыгеи, Калмыкии, Дагестана с целью систематизации и обобщения исследований топонимического комплекса, зародившегося в условиях этноязыковой конвергенции.

Источники | References

1. Бадалов Ф. А. История лезгинского народа (лезгиноязычных народов) и государства (V тыс. до н. э. – X в. н. э.). Дербент, 1998.
2. Беспрозванных Е. Л. Китайские документы о принятии волжских калмыков в цинское подданство (1771 год) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. Вып. 8.
3. Григорьев А. П. Официальный язык Золотой Орды XIII-XIV вв. // Тюркологический сборник – 1977. М.: Наука, 1981.
4. Григорьев В. О древних походах руссов на Восток // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. № 2, февраль.
5. Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
6. Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. // Города Поволжья в Средние века: сб. статей / ред. А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974.
7. Иванов С. М., Супрун В. И. Православие на Волгоградской земле: епархии и епископы: в 2 ч. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2002. Ч. 2.
8. Ихиллов М. М. Народности лезгинской группы: этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.
9. Казанская история: историческая повесть 16-го в. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
10. Казиханова (Гусейнова) А. А. Этапы расселения тюркоязычных народов на территории Приморского Дагестана в раннесредневековую эпоху: автореф. дисс. ... к. ист. н. Махачкала, 2000.
11. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. / пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008.
12. Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности // Вопросы языкознания. 1967. № 3.
13. Королёв А. С. Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011.
14. Крюкова И. В., Супрун В. И. Реки и водоёмы Волгоградской области: гидронимический словарь. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009.
15. Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе: в 2 т. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1999. Т. I-II.
16. Мамедова А. А. Авары в Азии, на Кавказе и в Европе // От Античности к Возрождению: VI-е Дзагуровские чтения: матер. междунар. научно-метод. конф. Махачкала, 2007.
17. Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Страницы военной истории кубанского казачества: к 310-летию служения кубанского казачества Российскому государству. Краснодар: Перспективы образования, 2007.
18. Микульский Л. В. Арабский Геродот / отв. ред. Л. Ю. Сергиенко. М.: Алетея, 1998.
19. Мыськов Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236-1313 гг.). Волгоград: Изд-во Волгogr. гос. ун-та, 2003.
20. Мыськов Е. П. Русский посёлок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001а. Вып. 1.
21. Мыськов Е. П. Русское кладбище Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. 2001b. Вып. 4.
22. Народы Дагестана / отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М.: Наука, 2002.
23. Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: география и население: справочник / сост. В. Ф. Диндорф. М.: Обществ. академия наук российских немцев, 2002.
24. Никитин Н. И. Азовская эпопея 1637-1641 гг. и её последствия // Военно-исторический журнал. 2015. № 9.
25. Оконова Л. В. Депортация немцев из Калмыцкой АССР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3.
26. Плетнёва С. А. Хазары / отв. ред. Б. А. Рыбаков. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1986.
27. Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. 1707-1709. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
28. Сатыбалов А. А. Исторические типы общности людей: род, племя, народность, нация. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959.
29. Скрипкин А. С., Дьяченко А. Н. Древнее святилище огнепоклонников на берегах Дона // Стржемень: научный ежегодник. 2008. № 6.
30. Супрун В. И. Апеллятивно-онимический комплекс как форма существования периферийных онимов в языке // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат-лы междунар. науч. конф. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2012.

31. Супрун В. И. Дочерние колонии. Материнские колонии // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017.
32. Супрун В. И. Ментальный образ топонима в этнолингвостроении // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сборник научных трудов / сост.: Е. Г. Озерова, К. К. Стебунова, И. И. Чумак-Жунь. Белгород: БелГУ, 2016.
33. Супрун В. И. Русские // Отчий край. 1997. № 2 (14).
34. Супрун В. И. Украинцы // Отчий край. 1998. № 4 (20).
35. Федорова М. В. Адыгизмы в Белгородской ойконимии // Проблемы региональной ономастики: материалы межвузовской научно-практической конференции. Майкоп: Качество, 1998.
36. Хотко С. Х. История Черкесии в Средние века и Новое время. СПб.: Изд-ство Санкт-Петербургского университета, 2001.
37. Хотко С. Х. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV-XIX вв. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2015.
38. Хотко С. Х. Периодизация адыгской истории // Абхазская интернет-библиотека. 2020. http://apsnyteka.org/1623-khotko_s_stati.html#6
39. Шапошников А. К. Синдо-меотские языки // Книга памяти: исчезнувшие языки России и сопредельных стран. Энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В. П. Нерознак. М.: Academia, 1996.
40. Эрдниев У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. Изд-е 3-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985.

Финансирование | Funding

- RU** Статья выполнена в рамках проекта «Современная этноязыковая картина России: национально-региональные особенности» Международным временным научным коллективом, организованным на базе Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова.
- EN** The article was prepared within the framework of the project “The Contemporary Ethnolinguistic Picture of Russia: National and Regional Features” by the International Temporary Research Team organized at the B. B. Gorodovnikov Kalmyk State University.

Информация об авторах | Author information

- RU** Супрун Василий Иванович¹, д. филол. н., проф.
 Багомедов Муса Расулович², д. филол. н., проф.
 Беданоква Зулейхан Кимовна³, д. филол. н.
¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет
² Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
³ Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
- EN** Vasily Ivanovich Suprun¹, д. филол. н., проф. Dr
 Musa Rasulovich Bagomedov², Dr
 Zuleykhan Kimovna Bedanokova³, Dr
¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University
² Dagestan State University, Makhachkala
³ Adyghe State University, Maykop
- ¹ suprun@vspu.ru, ² b_musa@mail.ru, ³ bedan23@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.09.2024; опубликовано online (published online): 22.10.2024.

Ключевые слова (keywords): топоним; этноязыковая конвергенция; юг России; этнические миграции; апеллятивно-онимический комплекс; toponym; ethnolinguistic convergence; Southern Russia; ethnic migrations; appellative-onymic complex.